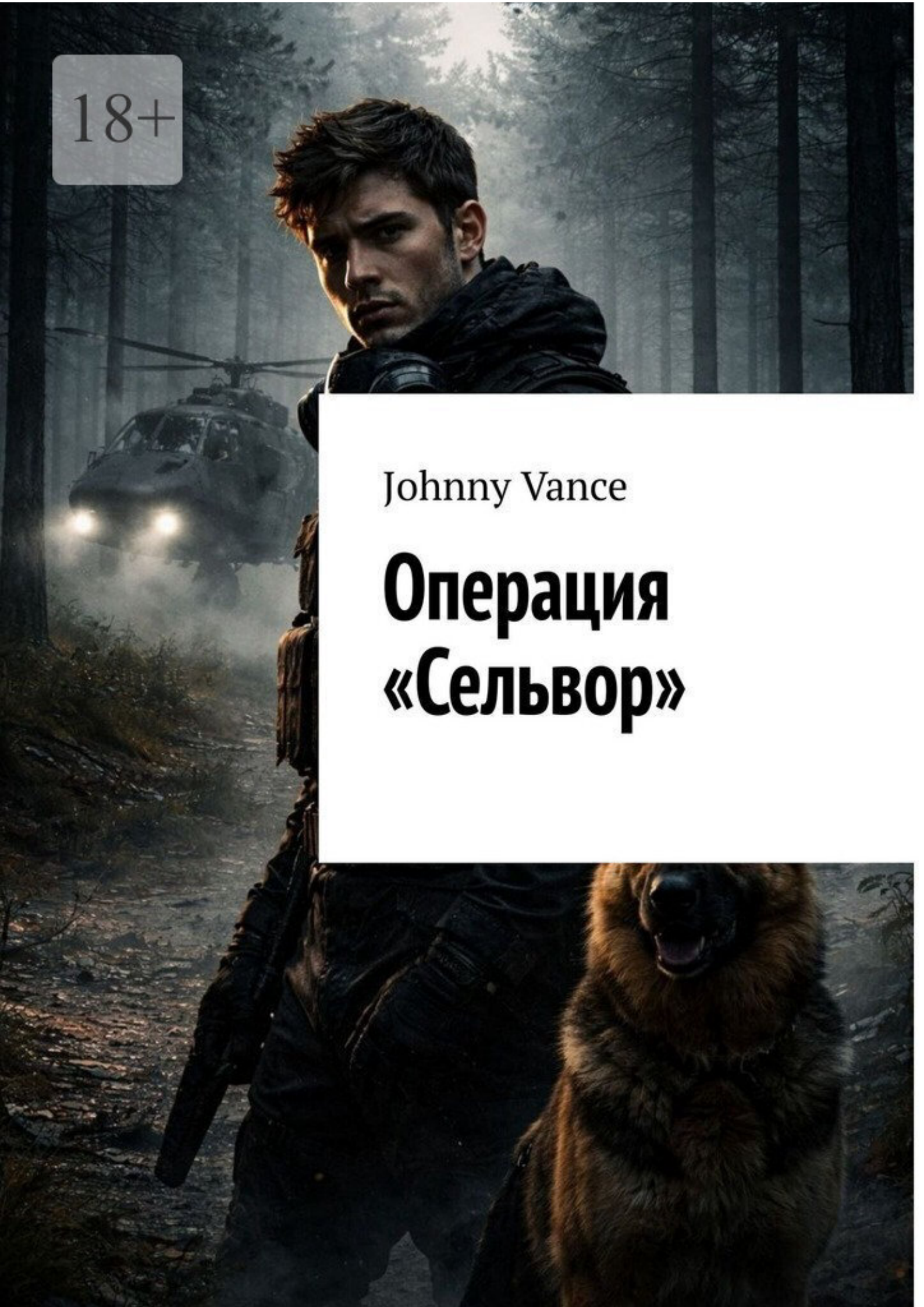

18+

Johnny Vance

Операция «Сельвор»

Johnny Vance

Операция «Сельвор»

«Издательские решения»

Vance J.

Операция «Сельвор» / J. Vance — «Издательские решения»,

Студент-инженер Андрей случайно снимает на телефон операцию Фонда SCP. Чтобы выжить и узнать правду, он проникает на секретную базу под чужим именем — Сельвор. Но чем глубже он погружается в мир аномалий и секретов, тем страшнее становится правда: люди здесь — расходный материал, а монстры — не те, кто сидит в клетках. У Сельвора есть выбор: остаться в тени — или попытаться изменить всё. Даже ценой собственной жизни. Книга содержит нецензурную брань.

© Vance J.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Лес	6
Вертолёт	7
Поляна	8
SCP	9
— Покажите!	11
— Стоять!	12
— Догоняй!	13
Отец	15
SCP	16
Решимость	17
Глава 2. Сельвор	18
Сельвор	22
Глава 3. Экскурсия в Бездну	23
— Сельвор	27
— Да.	28
— Спасибо	29
Глава 4. Выбор	32
Глава 5. Становление	37
— Я в порядке	40
Глава 6. Точка опоры	43
Глава 7. Прикосновение	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Операция «Сельвор»

Johnny Vance

Составитель Insomnia

© Johnny Vance, 2026

© Insomnia, составитель, 2026

ISBN 978-5-0069-9413-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Лес

Влажный воздух сентября тяжёлым одеялом накрывал лес. Андрей шёл по тропе, едва различимой в сумерках, и слушал, как под ногами хлюпает прелая листва. Запах грибов и гнилой древесины смешивался с чем-то ещё — далёким, металлическим, неправильным.

— Ну и куда ты меня притащила, Герда? — спросил он, глядя на немецкую овчарку, которая замерла в десяти метрах впереди, насторожив уши.

Герда не ответила. Она стояла, вытянув морду в сторону лесной чащи, и тихо, едва слышно рычала. Шерсть на загривке поднялась дыбом.

Андрей нахмурился. Собаку ему отец подарил ещё щенком, когда он переехал в этот город, чтобы учиться на инженера. Говорил: «Одна будешь — нужен кто-то, кто о тебе позаботится». Герда оказалась умной, выученной — и никогда не лаяла просто так. Если она рычала, значит, была причина.

— Что там?

Он сделал шаг вперёд, и в этот момент звук ударил по ушам.

Гул. Низкий, тяжёлый, нарастающий. Не с неба — со стороны леса, где деревья смыкались в сплошную тёмную стену. Герда прижалась к земле, заскулила, и Андрей наконец понял, что это за звук.

Вертолёт

Не военный, не полицейский — тот звук он знал. Это был тяжёлый транспортный винтокрыл, тот, что используют для спецопераций. Андрей видел такие только по телевизору, в репортажах о «секретных объектах» и «зонах отчуждения».

Вертолёт садился. Прямо здесь, в лесу, в трёх километрах от города.

— Герда, ко мне.

Собака подбежала, но не успокоилась — вжала уши, затряслась мелкой дрожью. Андрей присел, быстро нашарил в рюкзаке поводок, пристегнул к ошейнику и привязал к корявому стволу старой сосны.

— Сидеть. Ждать. Поняла?

Герда взвизгнула, но послушно улеглась на сырую землю. Андрей поправил на поясе складной нож — дурацкая привычка, отцовская наука — и двинулся в сторону звука. Тихо. Крадучись. Так, как учили в детстве, когда они с отцом ходили на лис.

С каждым шагом гул становился громче. Ветки хлестали по лицу, под ногами хрустел валежник. Андрей замирал, прислушивался, двигался дальше. Метров через двести деревья расступились.

Он замер за стволом векового дуба, широкого, как стена, и выглянул.

Поляна

На ней, подсвеченный прожекторами, стоял вертолёт. Матово-чёрный, без опознавательных знаков — почти неразличимый в сумерках, если бы не свет. Винты ещё вращались, срывая с веток дождь листьев. Из открытого люка выгружались люди.

Много людей.

В чёрной униформе, с автоматами, с какими-то странными приборами в руках. Они двигались быстро, слаженно, без единого слова — профессионалы, каких в кино показывают.

Андрей прищурился, вглядываясь в их форму. На плечах — шевроны. Белый круг, внутри — три стрелки, сходящиеся к центру.

Он знал этот символ.

SCP

Конечно, он читал про них. В интернете, на форумах, в каких-то диких переводах с английского. Выдумка, говорили одни. Секретная организация, говорили другие. Те, кто прячет монстров. Те, кто ловит то, чего не должно существовать.

— Снимают кино, — прошептал он себе под нос. — Точно. Снимают кино.

Мысль была логичной. Вокруг ни одной приметы настоящей опасности — люди в форме, вертолёт, прожекторы. Всё как в боевиках. Где-то там, за деревьями, наверняка стоит режиссёрский монитор, операторы с камерами, осветители. Кто-то сейчас крикнет «Мотор!», и начнётся сцена.

Андрей даже расслабился чуть-чуть. Вытащил телефон, нашёл значок камеры. Если это съёмки, можно будет заснять процесс — друзьям потом показать. Скажет, мол, в лесу на площадку наткнулся. Будут завидовать.

Он включил запись.

И тут из вертолёта вытащили ЕГО.

Существо.

Андрей перестал дышать.

Оно было большим — метра два, не меньше. Тело — как у льва, мощное, с поджарыми мышцами. Но вместо шерсти — чешуя, переливающаяся в свете прожекторов тусклым золотом. Крылья — огромные, сложенные за спиной, с длинными перьями, которые горели алым, будто угли в костре. Голова — как у орла, с хищным изогнутым клювом, но глаза... глаза были человеческими. Слишком человеческими. В них читалась не звериная ярость, а холодный, всё понимающий разум.

Они волокли его на цепях. Четыре человека, с двух сторон, цепи тянулись к шее, к лапам, к крыльям. Существо не сопротивлялось. Оно шло медленно, тяжело, и Андрей вдруг подумал: если это кино — то грим у твари невероятный. Слишком живой. Слишком настоящий.

— Давай, — прорычал один из бойцов, дёргая цепь. — Шевелись, птичка.

Существо подняло голову. Посмотрело прямо в объектив телефона.

Андрей вздрогнул. Это не был взгляд актёра, который знает, где стоит камера. Это был взгляд того, кто видит. Видит его. Сквозь ствол, сквозь темноту, сквозь сотню метров. В глазах существа мелькнуло что-то — понимание? просьба? предупреждение?

— Это не кино, — прошептал Андрей, и пальцы его задрожали. — Это не кино.

Он хотел убрать телефон, хотел бежать, но не мог. Не мог отвести взгляд от экрана, от этого существа, от этих глаз.

А потом началось.

Существо дёрнулось. Цепи натянулись, люди закричали, кто-то выстрелил в воздух. Существо встало на задние лапы, расправило крылья, и Андрей увидел, как по его чешуе пробежали алые разряды. Воздух вокруг загудел, зазвенел, запахло озоном и горелой плотью.

— СТРЕЛЯЙ! — заорал командир.

Автоматы застрочили. Пули впивались в тело существа, но оно не падало. Оно рванулось вперёд, одним ударом лапы сбilo ближайшего бойца, вторым — разорвало цепь на шее. Кровь — чёрная, густая — брызнула на траву.

Существо развернулось. Оно нашло нового врага — молодого парня, который замер в трёх метрах, не успев даже вскинуть автомат. Парень смотрел на тварь расширенными глазами, и в них читалось одно: только не меня.

Существо прыгнуло.

Андрей не услышал крик. Он видел, как когтистая лапа обхватила тело человека, как клюв — острый, загнутый — опустился, как плеснула кровь, как тело разорвалось пополам с влажным, тошнотворным хрустом.

Он зажал рот рукой, чтобы не закричать.

Секунда — и всё кончилось. Существо замерло. Его тело начало светиться изнутри — сначала тускло, потом ярче, невыносимее. Люди падали на землю, закрывая лица руками. Вертолётные прожекторы погасли, лопнули. Свет был везде.

А потом — тишина.

Андрей опустил телефон. Руки тряслись так, что он едва удерживал его. На поляне, где секунду назад бушевал ад, лежал пепел. Серый, тяжёлый, оседающий на траву хлопьями. И среди этого пепла — цепи. И больше ничего.

Существо сгорело.

— ЧТО ЭТО БЫЛО?! — заорал кто-то из бойцов.

— Заткнись! — рявкнул другой. — Связь! Быстро вызывай подмогу!

— Вы видели? Там, в кустах! Кто-то был!

— Покажите!

Андрей дёрнулся. Ноги сами понесли его прочь, ломая ветки, продираясь сквозь кусты. Он бежал, не разбирая дороги, не чувствуя боли от хлещущих по лицу сучьев. В ушах стучало сердце, в лёгких горело, а позади слышался треск — они ломались за ним.

— Стоять!

— Догоняй!

Он бежал туда, где оставил Герду. Увидел в темноте светлый силуэт собаки, рванул к ней, отвязал поводок, сбивая пальцы в кровь.

— Герда! Ко мне! Домой!

Собака рванула рядом. Они вылетели на дорогу, на бетонку, что вела к городу. Андрей бежал, пока не кончились силы, пока не начал задыхаться. Только тогда он упал на колени, схватился за горло, закашлялся.

Позади было тихо.

— —

— Стой! — боец замер на опушке, подняв кулак. Второй остановился рядом, тяжело дыша.

— Где он?

— Ушёл. — Первый опустил автомат, оглядывая тёмный лес. — Не догоним.

— Может, показалось? — неуверенно сказал второй. — Зверь какой? Кабан?

— Не знаю. — Боец помолчал, всматриваясь в темноту. — Назад. Начальнику скажем — никого не было. Зверь. Показалось.

— А если он что-то видел?

— Не видел он ничего. Темно же. — Боец развернулся, двинулся обратно к поляне. — Скажем так. И всё.

Второй помялся секунду, потом пошёл за ним.

— А начальник поверит?

— А что ему остаётся? — Боец сплюнул под ноги. — Искать в лесу пацана, которого никто не разглядел? Пусть пеплом занимаются. Не до того сейчас.

Они скрылись в темноте.

— —

Андрей ввалился в квартиру, захлопнул дверь, запер на все замки. Герда, обессиленная, легла прямо в прихожей, тяжело дыша.

Он прошёл на кухню, налил стакан воды, выпил залпом. Поставил стакан на стол, нажал на кнопку телефона.

Экран горел ровным светом. Видео было записано. Семь минут и сорок три секунды.

Он открыл галерею, нашёл ролик, нажал на воспроизведение.

Существо выходило из вертолётa. Его ставили на колени. Оно смотрело прямо в объектив.

Андрей перемотал вперёд. Существо рвало цепи. Оно прыгало на человека. Кровь. Хруст. И свет. Тот самый свет, который заполнил всё вокруг, а потом погас.

Он выключил телефон, положил его на стол экраном вниз.

— Это не кино, — сказал он вслух. Голос звучал хрипло, чуждо. — Это не кино, и я это снял.

Он подошёл к окну. Внизу, в городском парке, горели фонари. Где-то там, за лесом, на поляне, сейчас, наверное, сутились люди, собирали пепел, вызывали подмогу. А он стоял здесь, в съёмной квартире, которую снимал второй год, и не знал, что делать.

Отец погиб два года назад. Пожар. Андрей тогда был на первом курсе, приехал на похороны, потом вернулся обратно. Жил один, учился, гулял с Гердой. Обычная жизнь.

Обычная жизнь, пока он не пошёл в лес.

Он сел за стол, открыл ноутбук. Пальцы замерли над клавиатурой. Что искать? «SCP»? «Секретная организация»? «Существо в лесу»? Всё это вело в никуда.

Он набрал: SCP-4350.

Страница загрузилась медленно. Он пробежал глазами текст: «Грифоподобная сущность, обладающая способностью к термогенезу и циклической регенерации. По классификации — Кетер». Он читал дальше, и с каждой строчкой холодок по спине становился всё сильнее.

Существо находили трижды. Первый раз — в 1998-м, в горах, где оно сожгло дотла поисковый отряд. Второй — в 2004-м, под Воронежем, где оно два месяца пряталось в заброшенном военном городке. Третий — вчера. Здесь.

Андрей закрыл ноутбук. Потом открыл снова. Набрал: SCP логотип. Изображение — белый круг, три стрелки, сходящиеся к центру. Точно такой же он видел сегодня на форме тех людей.

Он откинулся на спинку стула. В голове крутились обрывки мыслей, и ни одна не складывалась в целое.

Отец. Герда. Лес. Существо. Люди в форме. Видео на телефоне.

Отец

Андрей встал, подошёл к шкафу, открыл дверцу. На верхней полке, под стопкой старых тетрадей, лежала картонная коробка. Та, которую он не открывал уже два года. С тех пор, как отца не стало.

Он снял коробку, поставил на стол, открыл. Сверху лежали фотографии, документы, какие-то медали — всё, что осталось. Он перебирал вещи, не зная, что ищет. И вдруг пальцы наткнулись на ткань.

Он вытащил её. Куртка. Тяжёлая, из грубой материи, с подпалинами по краям. Пожарная форма. Та самая, в которой отец ходил на вызовы.

Он развернул куртку и замер.

На плече был шеврон. Не тот, что носят обычные пожарные.

Белый круг. Три стрелки, сходящиеся к центру.

SCP

Андрей сжал ткань так, что побелели костяшки. В голове щёлкнуло, и воспоминания хлынули, как вода из прорванной плотины.

Отец. Его долгие командировки. Его молчание о работе. Те странные значки, которые он приносил, когда думал, что Андрей не видит. Разговоры, которые обрывались, когда сын входил в комнату.

— Ты знал, — прошептал Андрей. — Ты был одним из них.

Куртка упала на пол. Он поднял её, прижал к лицу, вдохнул знакомый запах — дым, пот, что-то ещё, неуловимое.

— Зачем? Почему ты ничего не сказал?

Ответа не было.

Андрей сидел, обнимая отцовскую куртку, и смотрел на телефон. Видео. Логотип. Форма, которую он нашёл в коробке. Всё это складывалось в одну картину, и картина эта была страшной.

Но не для него.

Страх уходил. Вместо него пришло что-то другое — холодное, тяжёлое, твёрдое.

Решимость

Он встал, подошёл к столу, включил настольную лампу. Достал из ящика ножницы, иголки, нитки. И сел шить.

Он не был портным, но отец научил его многому. Работа с тканью, с инструментом — это было в его крови. Он взял старую куртку, отцовские вещи, нашёл в коробке несколько кусков плотной материи и начал.

Он шил форму. Не пожарную. Ту, что видел сегодня в лесу. Ту, что носят те, кто пришёл за существом. Те, кто знает правду.

Сначала получилось криво, потом лучше, потом почти идеально. Он вшил в плечо шеврон — тот самый, что носил отец. Тот, что видел сегодня. Когда последний стежок был сделан, он поднял форму, разглядывая свою работу.

— Всё, — сказал он пустой комнате. — Теперь я один из них.

Он снял футболку, надел форму. Она сидела не идеально, но ладно. Главное — издалека не отличить.

Потом подошёл к зеркалу, посмотрел на себя. В отражении стоял не девятнадцатилетний студент-инженер, не сын погибшего пожарного. В отражении стоял кто-то другой. Кто-то, кто знает, что делать. Кто-то, кто не боится.

— Я узнаю, что здесь происходит, — сказал он своему отражению. — Я узнаю, во что ты был впутан. Я найду ответы.

Герда, пришедшая на голос, ткнула носом в его ладонь. Андрей опустил на корточки, обнял её.

— Мы найдём, — сказал он собаке. — Обязательно найдём.

За окном занимался рассвет. Новый день начинался. И Андрей знал — это не последняя его встреча с тем, что скрывается в лесу.

Глава 2. Сельвор

Начало лета пахло свободой. Сессии сданы, хвостов нет, впереди — три месяца, которые Андрей мог потратить на что угодно. И он знал, на что потратит.

Всю ночь он ворочался, но заснул не сразу. Мысли цеплялись за детали. Он вспомнил видео — те трое из спецотряда, их плотные черные костюмы, оружие и главное — маски-противогазы. Если он выйдет на то место без такого, его вычислят мгновенно. Среди учёных и военных чужак без экипировки — как маяк.

«Сделаю сам», — подумал он, проваливаясь в сон.

Ему приснился лес. Тот самый лес. Но вместо обычной тишины там было движение. Десятки людей в белых химзащитных костюмах, словно призраки, бродили между сосен. У них в руках — специальные пакеты с маркировкой, они собирали даже мельчайшие кусочки пепла, которые ветер разнёс по поляне. Вокруг, на периметре, стоял целый Отряд Сдерживания. Автоматы, тепловизоры, какая-то аппаратура, о которой Андрей даже не знал. Учёные не поднимали голов, работали молча, с какой-то пугающей одержимостью. Трое из спецотряда — те самые, с видео — патрулировали округу. Они двигались бесшумно, как хищники.

Андрей проснулся в поту.

Утро встретило его солнечным светом, который врвался в окно хрущевки. Герда, его немецкая овчарка, спала у кровати, положив морду на лапы.

— Сегодня, девочка, я стану кем-то другим, — прошептал он, погладив её.

Первым делом — противогаз. Он открыл ноутбук, зашёл на все маркетплейсы, какие знал. Перебрал десятки вариантов. Противогазы гражданские, военные, промышленные — всё не то. У тех людей на видео были особые модели, с широкими линзами, боковыми фильтрами и чёрным матовым корпусом. Таких в свободной продаже не было.

Через час безуспешных поисков он откинулся на спинку стула.

— Не зря же я инженер, — сказал он сам себе.

Он набросал список: резиновая основа от старого промышленного противогаза, пластик для корпуса, два широкоугольных линзовых стекла, фильтры, крепления, уплотнители. За два часа он оббежал ближайшие магазины — строительный, хозяйственный, военторг. Нашёл почти всё. Не хватало мелочей, но их можно было допечатать на 3D-принтере в университетской мастерской — благо пропуск ещё действовал.

Спустя 45 минут работы в гараже, когда он склеил последний шов и проверил герметичность, результат превзошёл все ожидания.

Он надел маску, подошёл к зеркалу.

Чёрный матовый корпус, широкие линзы, фильтры по бокам. Он сравнил с видео на телефоне. Тот же угол загиба, те же крепления, та же посадка.

— Не может быть, — выдохнул он.

Это было точно как у них. Идеально.

Он снял маску, надел чёрную куртку, штаны, ботинки. Взял рюкзак, положил туда паспорт, немного еды, воду, фонарик и маску. Герда смотрела на него с тревогой.

— Ты к соседке, девочка. Я скоро.

Он перешагнул порог своей обычной жизни, даже не зная, вернётся ли.

Лес встретил его запахом хвои и сырой земли. Он надел маску ещё на подходе, за деревьями. Противогаз плотно облегал лицо, дыхание стало гулким, мир сузился до двух широких линз.

Когда он вышел к поляне, сердце забилось быстрее.

Картина была точь-в-точь как во сне. Десятки людей в белых костюмах, склонившихся над землёй. Они собирали пепел специальными пинцетами, упаковывали в маркированные пакеты, подписывали, сортировали. Вокруг, на периметре, стояли вооружённые бойцы в чёрном — Отряд Сдерживания. Никто не разговаривал. Только тихий шелест шагов и редкие команды по рации.

Андрей заметил патруль. Трое. Те самые. Они прошли в десяти метрах от него, даже не повернув головы.

— Чёрт, сработало, — прошептал он под маской.

Он сделал шаг, другой. Присоединился к группе бойцов, которые ходили по периметру. Никто не обратил на него внимания. Форма та же, маска та же, походка уверенная. Он стал частью системы.

Часы тянулись медленно. Андрей делал вид, что патрулирует, следил за учёными, копировал их жесты. Один раз к нему подошёл старший отряда, мельком глянул на маску, кивнул и ушёл. Проверка пройдена.

Наконец, когда солнце начало клониться к закату, один из учёных поднял руку:

— Готово. Пепел собран до единого. Возвращаемся на базу.

Вертолёт — огромная чёрная машина без опознавательных знаков — ждал их на расчищенной площадке. Андрей сел в конце, стараясь не привлекать внимания. Внутри — тишина. Учёные переглядывались, но не говорили ни слова. Бойцы сидели с каменными лицами.

Полёт длился долго. Андрей смотрел в иллюминатор: лес, поля, города, снова лес. Через два часа внизу показалась огромная территория, обнесённая тремя рядами колючей прово-

локи. Вышки с камерами, прожектора, блокпосты. В центре — массивные ангары и здания из серого бетона, уходящие под землю.

«Зона 51, блин», — подумал Андрей.

Вертолёт зашёл на посадку. Когда он вышел, воздух здесь был другим — сухим, металлическим, пахло керосином и озоном. Вокруг сновали люди в униформе, ездили электрокары, мигали огни.

Андрей двинулся за группой учёных, но на входе в главное здание его остановил охранник:

— Пропуск.

Сердце ухнуло в пятки.

Он судорожно начал шарить по карманам. Ничего. В этот момент мимо проходил боец ОС — один из тех, кто был на поляне. У него на поясе висела карточка. Обычная пластиковая карта с чипом и надписью: «Сотрудник Отряда Сдерживания. Уровень доступа: Альфа».

Андрей действовал на инстинктах. Он шагнул вперёд, якобы споткнувшись, толкнул бойца плечом, и пока тот восстанавливал равновесие, ловко снял карточку с зажима. Всё заняло секунду.

— Извините, — буркнул Андрей, поднимаясь.

Боец что-то проворчал, поправил бронежилет и ушёл.

Андрей приложил карту к считывателю. Зелёный свет. Турникет открылся.

Боец по имени Сергей, которого Андрей только что обокрал, дошёл до своей комнаты, прежде чем понял.

Он хлопнул себя по поясу. Пусто.

— Да ёба... — прошептал он.

Обыскал карманы, бронежилет, рюкзак. Ничего. Он сел на койку, пытаясь вспомнить, где мог её потерять. На поляне? В вертолёте? Когда его толкнул тот новенький?

Холодный пот выступил на спине.

В Фонде за утерю пропускной карточки были жестокие меры наказания. Не увольнение — хуже. Его могли понизить, отправить на переподготовку, а в худшем случае — задействовать в экспериментах класса D, если сочтут, что нарушение было умышленным.

Сергей вскочил. Надо валить. Пока никто не заметил. Он схватил рюкзак, сунул туда сменную форму, личные вещи. Вышел в коридор, стараясь не бежать. Дошёл до турникета, приложил руку к сканеру — у него был дублирующий биометрический доступ. Турникет открылся.

Он вышел на улицу. До ближайшего города — пятьдесят километров. Но лучше пешком, чем оставаться здесь.

Через час его пропускная карточка уже лежала в кармане Андрея, а Сергей шёл по лесной дороге, обливаясь потом, зная, что назад дороги нет.

База жила своей жизнью. Андрей, теперь уже не Андрей, а тот, чью карточку он украл, нашёл комнату, привязанную к пропуску. Она была на третьем этаже жилого блока.

Четыре на четыре метра. Койка, застеленная серым армейским одеялом. Стол, стул. На столе — старая кружка и пачка чая. Никаких личных вещей, никаких фотографий.

Андрей закрыл дверь и только тогда снял маску. Лицо было мокрым от пота, он глубоко вдохнул обычный воздух. Но радость быстро угасла, когда он поднял голову.

В углу, под потолком, горел красный глазок камеры.

— Твою мать, — выдохнул он.

Камеры в спальнях комнатах. Он огляделся. Камера смотрела прямо на кровать. Никакой приватности. Никакого права на личное пространство. Он сел на койку, стараясь держать лицо спокойным, хотя внутри всё кипело.

Он лёг, повернувшись к камере спиной. В голове крутились мысли.

«На карточке нет имени. Только „Сотрудник Отряда Сдерживания“. Мне повезло. Но как меня называть? Если спросят, нужно имя. Позывной. Что-то, что не привяжут к моему прошлому».

Он перебирал варианты. Что-то короткое. Жёсткое. Чтобы звучало как своё.

В голову лезли обрывки скандинавской мифологии, которую он любил в универе. Одноглазый Один, Тор, Локи... Нет.

Сельвор

Имя пришло ниоткуда. Может, из какой-то старой игры, может, из книги. Оно звучало чужеродно для этого места, но в этом была его сила. Его нельзя было связать с его прошлым.

— Сельвор, — прошептал он, пробуя на вкус. — Я Сельвор.

Камера в углу продолжала смотреть. За стенами базы шла своя жизнь. Учёные разбирали пепел, бойцы менялись на постах, системы безопасности сканировали каждый уголок.

А в комнате 4х4 метра инженер, который никогда не должен был здесь оказаться, медленно засыпал под красным глазком, зная, что завтра начнётся самое сложное — оставаться тем, кем он не является.

Глава 3. Экскурсия в Бездну

Первую ночь на базе Сельвор спал плохо.

Красный глазок камеры в углу комнаты не моргал. Он просто смотрел. Сельвор лежал на спине, глядя в потолок, и чувствовал, как где-то там, за стенами, пульсирует жизнь этого места. Тихий гул вентиляции, далёкие шаги в коридоре, иногда — приглушённые голоса. Он не знал, записывает ли камера звук, поэтому старался дышать ровно и не разговаривать сам с собой.

Утром его разбудил резкий сигнал интеркома:

— Внимание личному составу. Завтрак в столовой сектора Бета с 07:00 до 08:30.

Сельвор сел на койке. В комнате было серо, без окон, только светодиодная лампа под потолком горела ровным белым светом. Он умылся в маленькой раковине в углу, надел форму, которая висела на спинке стула — чёрный комбинезон без опознавательных знаков, только нашивка на рукаве: логотип Фонда, три стрелки, направленные к центру.

— Вжух, — тихо сказал он сам себе, поправляя воротник. — Доброе утро, Сельвор.

Столовая оказалась большим помещением с длинными металлическими столами и такими же стульями. Здесь уже сидели люди — кто-то в форме учёных, кто-то в комбинезонах ОС, кто-то в гражданском. Разговаривали вполголоса. Сельвор взял поднос, набрал стандартный завтрак — кашу, хлеб, кофе — и сел в углу, стараясь не привлекать внимания.

— Новенький? — к нему подсел мужчина лет сорока, с заросшим щетиной лицом и усталыми глазами. На его комбинезоне была нашивка с надписью «ОС-7».

— Да, — коротко ответил Сельвор.

— Из какого отряда?

Сельвор на секунду замер. Он не знал, к какому отряду принадлежал тот, чью карточку он украл. Но на карточке было написано только «Сотрудник Отряда Сдерживания».

— Ещё не распределили, — нашёлся он. — Вчера только прибыл.

Мужчина кивнул, будто такое было в порядке вещей.

— Бывай. Смотри, тут главное — не задавай лишних вопросов. Делай, что говорят, и всё будет нормально. — Он поднялся, взял поднос и добавил, понизив голос: — И камеру в комнате не выключай. За этим следят.

Он ушёл. Сельвор допил кофе, чувствуя, как внутри нарастает тревога.

После завтрака он решил осмотреться.

База оказалась огромной. Коридоры из серого бетона уходили в разные стороны, на каждом перекрёстке висели указатели: Сектор исследований-02, Зона содержания лёгкая, Зона содержания тяжёлая, Технический блок, Административный сектор. Двери открывались по карточкам — уровень доступа у него был «Альфа», что позволяло ходить по большинству общих зон, но в некоторые коридоры соваться не стоило: там стояли вооружённые охранники, а на дверях мигали красные лампочки.

Он бродил по базе почти час, запоминая маршруты, отмечая про себя, где какие посты, где можно свернуть, где — нет. Люди в коридорах сновали с деловитым видом, никто не смотрел на него дольше секунды. Здесь все были заняты своим делом.

И только когда он свернул в коридор с табличкой «Зона содержания лёгкая. Допуск только по спецразрешению», он понял, что нашёл то, что искал.

Коридор вёл к серии бронированных дверей. На каждой — номер и предупреждающие надписи. Сельвор шёл медленно, читая:

SCP-131. Класс: Безопасный.

Он остановился. На двери была небольшая смотровая панель. Он заглянул.

Внутри, в просторной камере, два оранжевых существа размером с крупную кошку катались по полу, перекатываясь друг через друга. У них не было рук, ног, даже глаз — только каплевидные тела, плавники и... Сельвор прищурился. Они двигались так быстро, что за ними невозможно было уследить. Одно из них подкатилось к смотровому окну и издало тихий звук, похожий на мяуканье.

— Милые, — прошептал Сельвор, чувствуя, как напряжение немного отпускает.

Он пошёл дальше.

Следующая дверь. SCP-999. Класс: Безопасный.

Смотровая панель показывала камеру, похожую на детскую комнату. Внутри, на мягком мате, лежало что-то оранжевое, желеобразное, размером с небольшой диван. Оно пульсировало, издавая звуки, похожие на смех. Сельвор заметил, что даже через стекло он чувствует... тепло? Ему вдруг захотелось улыбнуться.

— Ладно, — сказал он себе, отрываясь от окна. — Не отвлекайся.

Он двинулся дальше, пока не дошёл до двери с надписью, которая заставила его замереть:

SCP-173. Класс: Евклид. При входе соблюдать протокол 173-Эпсилон.

Он помедлил, потом осторожно заглянул в смотровое окно.

Внутри была бетонная камера. Стены покрыты какими-то разводами. Пол — в тёмных пятнах. В центре, в неестественной позе, замерла статуя. Человекообразная, но неправильная. Сделанная из бетона и арматуры, с красноватыми потеками на поверхности. Её лицо... Сель-

вору показалось, что она смотрит прямо на него. Руки были вытянуты вперёд, пальцы растопырены, словно она собиралась схватить.

И она не двигалась.

Но Сельвор знал, что это только пока он смотрит.

Он стоял так минуту, другую, не в силах оторвать взгляд. Что-то в этой статуе было... неправильное. Не просто пугающее, а неправильное на каком-то глубинном уровне. Его инженерный мозг пытался проанализировать конструкцию: бетон, арматура, краска — обычные материалы. Но то, как они соединились, то, как эта штука дышала неподвижностью... он почувствовал, как волосы на затылке встают дыбом.

Он моргнул.

Статуя была ровно там же. Или нет? Ему показалось, или её голова слегка повернулась? Он зажмурился, потом открыл глаза. Нет. На месте. Он моргнул снова.

И в этот момент, на долю секунды, он мог бы поклясться, что её руки стали ближе к стеклу.

Сельвор отшатнулся от двери, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле.

— Не смотреть, — прошептал он. — Не моргать.

Он пошёл дальше, стараясь держать темп. В конце коридора была ещё одна дверь, массивная, с несколькими замками. Надпись гласила: SCP-096. Класс: Евклид. Вход запрещён. Нарушители будут ликвидированы.

Никакого смотрового окна. Только предупреждение красными буквами: «Не смотреть на лицо объекта».

Сельвор прошёл мимо, не задерживаясь.

Когда он вернулся в общий коридор, его перехватил охранник.

— Ты из новых? — спросил тот, разглядывая его нашивку.

— Да, — кивнул Сельвор.

— Документы получил?

— Какие документы?

Охранник вздохнул, как будто объяснял очевидное новичку в сотый раз.

— Ориентационный пакет. Правила содержания, протоколы безопасности, список объектов. Иди в административный сектор, кабинет 217. Скажешь, что тебе нужен допуск к информации.

Сельвор поблагодарил и пошёл.

Кабинет 217 оказался маленькой комнатой, заваленной папками. За столом сидела женщина с короткой стрижкой и очками в толстой оправе.

— Фамилия? — спросила она, не поднимая головы.

Сельвор замялся. На карточке не было имени. Он назвал то, что придумал ночью:

— Сельвор

— Сельвор? — она подняла глаза. — Это позывной?

— Да.

Она пожала плечами и что-то напечатала в компьютере.

— Хорошо, Сельвор. Вот твой пакет. — Она протянула ему тонкую папку и небольшую карточку с чипом. — Это твой персональный доступ к базе знаний. Всё, что тебе нужно знать о содержании объектов, протоколах безопасности и структуре Фонда — там. Пароль сменишь при первом входе.

— Спасибо

— И ещё, — она посмотрела на него внимательнее. — Ты вообще знаешь, куда попал?

Сельвор кивнул.

— Ну-ну, — усмехнулась женщина. — Удачи. Многие новички после первого дня просят обратно. Только обратно не отпускают.

Вернувшись в свою комнату, Сельвор закрыл дверь, сел за стол и открыл папку.

Он быстро пролистал бумаги — в основном общие инструкции, схемы базы, перечень стандартных протоколов. Но карточка с чипом оказалась интереснее. Он вставил её в разём на стене, и маленький экран, встроенный в стол, засветился.

— Добро пожаловать в базу знаний Фонда, сотрудник Сельвор. Уровень доступа: Альфа. Пожалуйста, ознакомьтесь с правилами. —

Он начал читать.

Сначала шла общая информация: структура Фонда, классы объектов (Безопасный, Евклид, Кетер), уровни допуска. Потом — подробное описание протоколов безопасности.

И тут он наткнулся на раздел, который заставил его похолодеть.

«Персонал класса D»

Сельвор перечитал первый абзац три раза, не веря своим глазам.

«Персонал класса D — это расходный материал. Сотрудники класса D набираются из числа заключённых, приговорённых к смертной казни, политических заключённых, беженцев и других лиц, чьё исчезновение не вызовет общественного резонанса. Они используются для проведения экспериментов с аномальными объектами, особенно с объектами высокого уровня опасности. Ожидаемая продолжительность жизни сотрудника класса D составляет от нескольких часов до одного месяца. По истечении этого срока сотрудники класса D подлежат плановой ликвидации или обнулению памяти».

Сельвор откинулся на стуле.

— Расходный материал, — прошептал он.

Он продолжил читать дальше, и чем дальше, тем больше ему становилось не по себе. Оказалось, что на базе есть целые сектора, где содержатся сотни таких «расходников». Они носят оранжевые комбинезоны, у них нет имён — только номера. D-124, D-139, D-501... Их отправляют в камеры к SCP-049, чтобы тот «лечил» их своей Хворью. Их ставят перед SCP-173, чтобы проверить реакцию скульптуры. Их заставляют смотреть на лицо SCP-096, после чего от них не остаётся и следа.

Он нашёл запись эксперимента с SCP-049:

«Объект SCP-049 одним касанием убивает подопытного. Затем он проводит хирургическую процедуру, в ходе которой тело погибшего превращается в SCP-049-2 — зомбированного субъекта, лишённого высших мозговых функций. Объект утверждает, что таким образом „лечит“ пациентов от „Хвори“, природу которой понимает только он сам».

Сельвор закрыл глаза.

Он вспомнил ту статую — SCP-173. Он вспомнил ощущение, когда моргнул. Он подумал о том, что, если бы он оказался по ту сторону стекла, с ним бы сделали то же самое, что и с этими D-классами.

— Они используют людей, — сказал он в пустоту. — Как батарейки. Одноразовые. Расходники.

Он почувствовал, как внутри поднимается тошнота. Его первый порыв — бежать. Встать и пойти к выходу, пока не поздно. Но он вспомнил слова той женщины: «Обратно не отпускают». И слова мужчины в столовой: «За этим следят».

Он посмотрел на камеру в углу.

Она смотрела в ответ.

Сельвор провёл в комнате остаток дня, изучая базу знаний. Час за часом он погружался в мир, о существовании которого не подозревал ещё неделю назад.

Он узнал о SCP-106, Старике, который проходит сквозь стены и затягивает жертв в своё карманное измерение, где они медленно сходят с ума и умирают.

Он узнал о SCP-049 — Чумном Докторе, который убивает одним прикосновением и превращает трупы в зомби, искренне веря, что исцеляет их.

Он узнал о SCP-096 — Скромнике, двухметровом гуманоиде с непропорционально длинными руками, который впадает в ярость, если кто-то видит его лицо, и тогда его невозможно остановить.

И он узнал о том, как Фонд получает новых сотрудников класса D.

В одном из документов описывался процесс под названием SCP-616-J. Сельвор сначала подумал, что это шутка — слишком уж пафосно это было описано: «тайный ритуал, рожденный в самых темных глубинах Нижнего мира», «круг проклятых», «Верховные Чернокнижники». Но потом он прочитал примечание в конце:

«SCP-616 был создан по директиве Комитета по этике Фонда SCP, поскольку для проведения экспериментов требовалось все больше сотрудников класса D, а это грозило превышением нормированного количества новых рекрутов, которых Фонд получает из стандартных каналов».

— Комитет по этике, — горько усмехнулся Сельвор. — У них есть комитет по этике.

Он закрыл базу знаний, выключил экран и долго сидел в темноте, слушая, как гудит вентиляция.

Ему не спалось. Он лежал на койке, глядя в потолок, и думал.

Думал о том, что он, инженер-строитель, который хотел просто понять, что произошло в том лесу, теперь оказался внутри системы, которая использует людей как расходный материал. Одноразовых людей. С номерами вместо имён.

Он думал о том, что его собственная жизнь теперь стоит ровно столько, сколько он сможет убеждать окружающих, что он — это Сельвор, боец Отряда Сдерживания, который знает, что делает.

Он думал о Герде, оставленной у соседки. О том, что, возможно, больше никогда её не увидит.

Камера в углу смотрела на него немигающим красным глазом.

— Ладно, — тихо сказал он в темноту, зная, что его слова записываются. — Ладно. Я здесь. И я разберусь, как здесь всё работает. А потом решу, что делать.

Он закрыл глаза и попытался уснуть, но перед его мысленным взором всё стояла бетонная статуя с вытянутыми руками, которая двигалась только тогда, когда никто не смотрит.

И он понял, что Фонд — это та же статуя. Он двигается, пока никто не смотрит слишком пристально. Пока все делают вид, что не замечают.

— Я смотрю, — прошептал Сельвор, засыпая. — Я теперь здесь. И я смотрю.

Глава 4. Выбор

Та ночь, когда Сельвор узнал о классе D, стала переломной.

Он сидел в своей комнате 4x4, смотрел на красный глазок камеры и чувствовал, как внутри закипает что-то тяжёлое, горячее. Не страх. Не злость. Что-то другое. То, что он раньше называл справедливостью.

«Расходный материал».

Он перечитал этот раздел три раза. Заключённые, приговорённые к смертной казни. Политические. Беженцы. Люди, чьё исчезновение не вызовет вопросов. Их отправляют в камеры к SCP-049, чтобы тот «лечил» их. Их ставят перед SCP-173, чтобы проверить, сколько времени пройдёт, пока статуя не соберёт новую жертву. Их заставляют смотреть на лицо SCP-096, и тогда от них не остаётся ничего.

И всё это — ради науки. Ради сдерживания. Ради защиты человечества.

— Нет, — прошептал Сельвор в темноту. — Никто не заслуживает такого. Даже те, кто приговорён к казни.

Камера смотрела. Он не знал, слушает ли кто-то его шёпот. Ему было всё равно.

В ту ночь он принял решение. Он будет против Фонда. Не открыто — он не дурак. Но он найдёт способ. Он узнает, как работает эта машина, найдёт её слабые места, и когда придёт время... он что-то сделает.

Что именно — он ещё не знал. Но решение было принято.

Следующие недели Сельвор провёл как одержимый.

Он изучал базу знаний часами. Каждый свободный момент он проводил перед экраном, выпитывая информацию о структуре Фонда, о классах объектов, о протоколах безопасности, о системах допуска.

Он узнал, что Фонд разделён на уровни доступа: от 0 (самый низкий, для внешнего персонала) до 5 (для высшего руководства и исследователей, работающих с объектами класса Кетер). Уровень «Альфа», который был у него, соответствовал примерно второму-третьему уровню — достаточно, чтобы ходить по базе, но недостаточно, чтобы видеть закрытую информацию.

Он узнал, что сотрудники класса D содержатся в отдельном секторе, изолированном от основного персонала. Их переводят в специальных контейнерах, с применением амнезиаков и усыпляющих газов. Они не знают, куда их везут. Они не знают, что умрут сегодня.

Он узнал, что есть люди, которые пытались бороться. Внутреннее сопротивление. Группы, которые помогали D-классным сбежать. Он нашёл несколько зашифрованных файлов, оставленных в системе кем-то, кто уже давно не работал на базе.

Один из них гласил:

«Фонд говорит, что защищает человечество. Но если для защиты нужно приносить в жертву живых людей — чем мы отличаемся от тех, кого сдерживаем?»

Сельвор сохранил этот файл. Сделал копию на чип, который прятал в ботинке.

Его определили в Отряд Сдерживания-12.

Это был обычный отряд внутренней охраны. Их задачи: патрулирование коридоров, контроль доступа в исследовательские сектора, сопровождение учёных при работе с объектами класса Безопасный и Евклид. Ничего героического. Ничего, что требовало бы особой квалификации.

Командиром был старшина Воронин — мужик лет сорока, с седыми висками и вечно усталым лицом. Он не задавал лишних вопросов. Провёл с Сельвором короткий инструктаж, показал, где оружейка, где расписание, где курить.

— Правило первое, — сказал Воронин, глядя Сельвору в глаза. — Никогда не открывай дверь, если не знаешь, что за ней. Правило второе. Если услышал тревогу — беги в укрытие, не геройствуй. Правило третье. Здесь все друг друга прикрывают. Забудешь — сдохнешь. Вопросы?

— Нет, — ответил Сельвор.

— Добро пожаловать в двенадцатый.

Первые вылазки были рутинной.

Патрулирование по графику. Смена постов. Иногда — сопровождение учёных в лёгкую зону содержания, к SCP-131, SCP-999, SCP-2295. Сельвор привык к виду камер, к тихому гулу вентиляции, к красным глазам, которые смотрели из каждого угла.

Но однажды пришёл приказ на выезд.

— Сбор через час, — объявил Воронин на утреннем построении. — Объект за пределами базы. Стандартная операция по сбору образцов. ОС-12 идёт в качестве группы прикрытия.

Сельвор надел форму, проверил автомат. Он уже научился стрелять — на базе были обязательные тренировки. Не то чтобы хорошо, но достаточно, чтобы не подвести отряд.

Их выгрузили из бронетранспортёра в лесу, в десяти километрах от базы. Учёные в белых костюмах уже работали на поляне, собирая какие-то образцы почвы и воздуха. Сельвор стоял в оцеплении, смотрел на деревья и думал о том, как он оказался здесь. Год назад он проектировал мосты. Теперь он стоял с автоматом в лесу, охраняя людей, которые собирали пепел от аномалий.

Всё прошло спокойно. Никаких происшествий.

Но на обратном пути, в бронетранспортёре, Воронин сказал:

— Сельвор, ты сегодня хорошо работал. Держи.

Он протянул ему шоколадный батончик.

— Это за что? — удивился Сельвор.

— За то, что не спал на посту. Это редкость.

Сельвор усмехнулся. Батончик был дешёвый, но он почувствовал что-то вроде гордости. И сразу же одёрнул себя.

«Ты здесь не для того, чтобы становиться своим. Ты здесь, чтобы узнать их слабые места».

Но чем больше времени он проводил в отряде, тем сложнее было держать эту мысль.

Следующие вылазки были разными.

Один раз они сопровождали учёных к месту падения объекта, который, по слухам, был сбит над лесом силами ГОК. Сельвор видел обломки, которые не походили ни на что земное. Металл, который менял цвет в зависимости от угла зрения. Схемы, которые нельзя было запомнить — они выпадали из памяти, стоило отвернуться.

Другой раз их подняли по тревоге ночью. Кто-то из D-классных сбежал из сектора содержания и забаррикадировался в техническом блоке. ОС-12 послали на захват.

Сельвор шёл по тёмному коридору, держа автомат наизготовку. Воронин — впереди, он — замыкающий. Они нашли беглеца в котельной. Мужчина лет тридцати, в оранжевом комбинезоне, с перепуганными глазами. Он держал монтировку и кричал, что не пойдёт обратно, что лучше умрёт, чем снова вернётся в камеру.

Воронин приказал сложить оружие. Мужчина не слушал.

— Д-9341, последнее предупреждение, — сказал Воронин спокойно. — Бросай монтировку и ложись на пол.

— Вы не понимаете! — кричал Д-9341. — Они отправят меня к 049! Я слышал! Сегодня ночью! Я не хочу умирать!

— Я не дам тебе умереть, — вдруг сказал Сельвор.

Воронин обернулся к нему. В коридоре повисла тишина.

— Что? — переспросил старшина.

Сельвор понял, что сказал лишнего. Но отступить было поздно.

— Я сказал, что мы не дадим ему умереть. — Он понизил голос. — Старшина, он же человек. Может, есть другой способ? Может, мы можем...

— Заткнись, — оборвал его Воронин. И добавил тише: — Ты здесь новенький. Ты не знаешь правил. Запомни раз и навсегда: класс D — это не люди. Это расходный материал. Чем быстрее ты это примешь, тем дольше проживёшь.

Он повернулся к D-9341.

— Последний раз. Бросай.

Мужчина бросил монтировку. Его скрутили, надели наручники и увели.

Сельвор стоял в коридоре и смотрел, как оранжевый комбинезон исчезает за поворотом.

«Это не люди», — повторил он про себя слова Воронина.

И понял, что не сможет в это поверить никогда.

Вернувшись в комнату, Сельвор сел на койку и долго смотрел в стену.

Он вспомнил глаза D-9341. Страх. Отчаяние. Желание жить. То же самое, что он чувствовал, когда впервые надел маску и пошёл в лес.

— Я не такой, как они, — прошептал он. — Я не стану одним из них. Я найду способ.

Он открыл базу знаний и начал искать информацию о перемещении D-классных. Маршруты конвоев. Расписания экспериментов. Слабые места в системе.

К утру у него был план.

Не полный. Рискованный. Но это было начало.

«Я помогу им выбраться», — решил он. — «Одному за другим. Незаметно. Так, чтобы никто не узнал».

Он лёг на койку, глядя в потолок.

Красный глаз камеры смотрел на него.

— Ты ничего не увидишь, — прошептал Сельвор, закрывая глаза. — Я научусь обманывать.

На следующее утро он проснулся с новым чувством.

Не страха. Не тревоги. Цели.

Он больше не был просто инженером, который случайно попал в Фонд. Он больше не был просто призраком, который пытается выжить.

Он стал тем, кто будет бороться.

— Сельвор, — сказал он своему отражению в маленьком зеркале над раковиной. — Ты теперь против них.

Он надел форму, взял автомат и вышел в коридор.

Впереди был новый день. Новые задания. Новые возможности.

Воронин ждал его на построении.

— Сельвор, — сказал старшина, глядя на него с каким-то новым выражением. — Вчера ты сказал глупость. Надеюсь, это больше не повторится.

— Не повторится, — ответил Сельвор.

Он соврал. И впервые соврал уверенно, глядя прямо в глаза.

Красные глаза камер по коридорам смотрели на него. Но Сельвор больше не боялся.

Он научится их обманывать.

Глава 5. Становление

Решение пришло не вдруг. Оно созревало неделями, как корень, прорастающий сквозь бетон.

Сельвор понял: в одиночку он ничего не сделает. Фонд — это машина, которую не сломать одним человеком. Даже если он вытащит десяток D-классных, на их место приведут сотню новых. Нужно бить по системе. Нужно менять её изнутри. Или уничтожить.

Для этого нужны союзники.

Повстанцы Хаоса.

Сельвор изучил всё, что нашёл о них в базе знаний. Они были жестокими. Они убивали сотрудников Фонда без колебаний. Они освобождали SCP, которые потом уничтожали целые города. Но они были единственными, кто открыто воевал против Фонда. Единственными, кто мог дать ему оружие, информацию, пути выхода.

«Если найду кого-то из пхашников — буду сотрудничать», — решил он. — «Но сначала нужно стать тем, кто им пригодится. Никто не будет иметь дело с новичком, который еле держит автомат».

С этого момента его жизнь изменилась.

Расписание Сельвора стало жёстким, как армейский устав.

Подъём в шесть утра. Бег по коридорам базы — три километра, пока в лёгких не начинало гореть. Воронин заметил его рвение на второй день.

— Тренируешься? — спросил старшина, когда Сельвор вернулся с пробежки.

— Да. Хочу быть в форме.

Воронин кивнул, ничего не сказал. Но с тех пор иногда подкидывал ему советы: как ставить ногу при беге, как дышать, как распределять нагрузку.

— Только не переусердствуй, — предупредил он. — Перетренироваться здесь легко. А восстанавливаться некогда.

Сельвор не слушал. Он знал, что времени у него в обрез.

Тир на базе работал круглосуточно.

Сельвор приходил туда каждый вечер после дежурства. Брал автомат, наушники, пару магазинов и стрелял. Часами. Пока не начинало сводить плечо. Пока не стирались пальцы. Пока мишень не превращалась в решето.

Инструктор по стрельбе, пожилой прапорщик по фамилии Гвоздев, сначала посмеивался:

— Новичок, ты куда спешишь? Война не завтра.

— А если завтра? — отвечал Сельвор.

Гвоздев перестал смеяться. Начал учить по-настоящему. Как разбирать и собирать автомат с закрытыми глазами. Как менять магазин за две секунды. Как стрелять в движении, с колена, лёжа, из-за укрытия. Как работать с пистолетом, когда автомат заклинило. Как использовать нож, если патроны кончились.

— Ты странный, — сказал Гвоздев однажды, когда Сельвор в сотый раз перезаряжал магазин. — Обычно новички тренируются пару недель, а потом расслабляются. А ты как завёрнутый.

— У меня мотивация, — ответил Сельвор.

— Какая?

— Выжить.

Гвоздев посмотрел на него долгим взглядом.

— Тогда учись, — сказал он. — Выживают не те, кто лучше стреляет. Выживают те, кто быстрее думает.

Сельвор запомнил эти слова.

Рукопашный бой давался тяжелее.

В отряде был свой специалист — боец по кличке Хмурый. Мужчина под два метра ростом, с руками, которые могли согнуть арматуру. Он вёл занятия по борьбе раз в неделю, но Сельвор попросил добавить индивидуальные тренировки.

— Ты уверен? — спросил Хмурый, оглядывая его. — Ты не выглядишь как боец.

— Научусь.

Хмурый усмехнулся.

— Лады. Но ныть не будешь.

Первая тренировка закончилась через три минуты. Хмурый положил его на лопатки четыре раза подряд. Сельвор вставал, отряхивался и снова заходил.

— Ты тупой? — спросил Хмурый после пятого броска.

— Упрямый, — ответил Сельвор, поднимаясь.

Хмурый усмехнулся.

— Это лечится.

Но к концу второй недели Сельвор научился держаться. Не побеждать — до этого было далеко. Но хотя бы не падать после первого же захвата. Хмурый учил его, как выходить из клинча, как использовать вес противника, как бить локтями и коленями в ближнем бою.

— Ты не станешь крутым бойцом, — сказал Хмурый на одном из занятий. — Это годы нужно. Но ты станешь тем, кто не сдохнет в первой же драке. Это уже немало.

Сельвор кивнул. Ему этого было достаточно.

Свободного времени не оставалось совсем.

Сельвор вставал затемно, бегал, шёл на дежурство, потом в тир, потом на борьбу, потом снова бежал в комнату, чтобы упасть на койку и уснуть до следующего подъёма. Он почти не общался с другими бойцами, кроме тренировок. Ел быстро, на ходу. Разговаривал коротко, по делу.

Воронин заметил.

— Ты себя гробишь, — сказал он однажды, когда Сельвор едва держался на ногах после очередного дежурства. — Организм не железный.

— Я в порядке

— Ты в дерьме, — поправил Воронин. — И если не отдохнёшь, то сорвёшься. А сорвавшийся боец — мёртвый боец. Я такого в отряде не держу.

Сельвор хотел возразить, но понял, что старшина прав.

— Хорошо, — сказал он. — Завтра выходной.

— Вот и молодец.

Но на следующий день Сельвор всё равно пошёл в тир. Просто стрелял меньше. Всего два часа вместо четырёх.

Через месяц тренировок он стал другим.

Тело привыкло к нагрузкам. Плечи стали шире, руки — крепче. Он больше не задыхался после бега, не дрожал после стрельбы, не падал после первого же броска Хмурого.

Воронин смотрел на него с одобрением.

— Из тебя выходит толк, — сказал он. — Может, через полгода сделаем тебя старшим группы.

Сельвор кивнул, но внутри похолодел. Чем выше он поднимался, тем больше возможностей открывалось. И тем больше внимания он привлекал.

— Спасибо, — сказал он. — Я подумаю.

Воронин хлопнул его по плечу.

— Думай. Но не слишком долго. Такие, как ты, здесь быстро растут.

Сельвор вернулся в комнату. Красный глаз камеры смотрел на него. Он уже привык к этому взгляду. Перестал замечать. Но сегодня, после слов Воронина, он снова почувствовал, как внутри поднимается тревога.

— Они начинают доверять мне, — прошептал он. — Это хорошо. Или плохо. Пока не пойму.

Он лёг на койку и закрыл глаза.

Ночью ему приснился сон.

Он стоял в коридоре базы. Вокруг было темно, только красные огоньки камер горели в каждом углу. Он шёл вперёд, и коридор становился всё уже, стены — всё ближе.

В конце он увидел дверь. На двери была табличка: «D-класс. Сектор содержания».

Он открыл дверь.

За ней была пустота. Тёмная, холодная, бесконечная. И в этой пустоте он услышал голоса. Много голосов. Они шептали:

— Ты такой же, как они. Ты стал одним из них.

— Нет, — ответил он.

— Ты носишь их форму. Ты стреляешь из их оружия. Ты ешь их хлеб. Ты один из них.

— Я не такой, — сказал он, но голос звучал неуверенно.

Голоса засмеялись.

— Ты убил D-9341. Твоими руками. Ты привёл его к 049.

— Я пытался его спасти!

— Ты ничего не сделал. Ты стоял и смотрел. Ты всегда стоишь и смотришь.

Сельвор проснулся в холодном поту.

Сердце колотилось. Он сел на койке, обхватил голову руками. Сон был неправ — D-9341 жив. Он видел его на следующий день, когда конвой уводил его в другой сектор. Он жив. Пока жив.

— Я не такой, как они, — повторил он вслух. — Я не стану таким.

Камера молчала. Красный глаз смотрел.

Сельвор поднялся, умылся ледяной водой. Посмотрел на своё отражение в зеркале. За месяц оно изменилось. Исчезла мягкость. Появились жёсткие линии, скулы, глубоко посаженные глаза. Он выглядел как боец. Как один из них.

— Это просто маска, — сказал он отражению. — Ещё одна маска. Ты умеешь их носить.

Он надел форму, взял автомат и вышел.

Впереди был новый день. Новые тренировки. Новая возможность стать сильнее.

Через неделю в отряде появился слух.

В столовой, за ужином, кто-то из бойцов обмолвился, что на базе снова активизировались Хаоситы. Перехвачены сигналы. Кто-то работает внутри.

— Говорят, они ищут контакты, — сказал боец из соседнего отряда. — Вербуют наших.

— И что с ними делают? — спросил кто-то.

— Что делают? Допрос. Амнезиак. Если повезёт. Если нет — в расход.

Сельвор сидел, не поднимая головы. Внутри всё сжалось.

«Они ищут контакты. Вербуют. Если я найду их первым...»

Он доел ужин, вышел из столовой. В коридоре остановился, прислонившись к стене.

— Нужно быть осторожнее, — прошептал он. — Если меня вычислят...

Он не закончил мысль. Вычислят — значит смерть. Или хуже — класс D. Эксперименты. Книга. Статуя.

— Нельзя спешить. Нужно ждать. Нужно стать сильнее. Нужно быть готовым, когда появится возможность.

Он выпрямился и пошёл в тир.

Впереди было три часа стрельбы. Потом борьба. Потом бег.

Он станет сильнее. Он будет готов.

И когда придёт время — он сделает то, что должен.

Глава 6. Точка опоры

Сельвор решил, что пришло время увеличить нагрузку.

Ему казалось, что он топчется на месте. Бег в форме уже не выжимал из него всё до капли. Стрельба стала привычной, автоматической. Борьба... борьба была единственным местом, где он всё ещё чувствовал себя новичком.

Он начал с утра.

Теперь он бегал не просто в форме, а в полной выкладке: бронежилет, автомат за плечом, подсумки с магазинами. Вес тянул к земле, плечи ныли после первых же километров, дыхание сбивалось быстрее обычного. Но Сельвор упрямо наматывал круги по коридорам базы, пока пот не заливал глаза, а ноги не начинали дрожать.

В тире он проводил теперь не два-три часа, а четыре-пять. Стрелял до тех пор, пока указательный палец не немел, а плечо не начинало гореть от отдачи. Гвоздев сначала ворчал, что он переводит боеприпасы, но потом махнул рукой и просто подкидывал новые мишени.

— Ты хоть спишь? — спросил он однажды.

— Сплю, — ответил Сельвор, меняя магазин.

— Не ври. Под глазами такие круги, что хоть в зоопарк выставляй.

Сельвор не ответил. Он действительно спал мало. Но это было неважно.

Самые тяжёлые изменения коснулись борьбы.

Хмурый заметил перемены сразу. На первой же тренировке Сельвор заходил в схватку жёстче, быстрее, наглее. Он больше не ждал броска — он сам шёл вперёд, пытался захватить, перевести, повалить.

— Ты чего, бешеный? — спросил Хмурый после третьего захвата.

— Хочу научиться, — ответил Сельвор.

— Научиться чему?

— Не проигрывать.

Хмурый усмехнулся.

— Это надолго.

Они сошлись снова. Хмурый привык работать вполсилы — Сельвор был новичком, и травмировать его не входило в планы. Но сегодня что-то было иначе. Сельвор двигался не как новичок. Он чувствовал момент, угадывал движения, перехватывал инициативу.

На пятой минуте схватки Сельвор сделал то, чего Хмурый не ожидал.

Он нырнул под руку, подбил корпус, рванул вперёд. Хмурый почувствовал, как теряет равновесие. На долю секунды его ноги оторвались от пола, и он, огромный, тяжёлый, покачнулся.

Он удержался. Еле-еле. Но удержался.

Сельвор рухнул на пол — сам, от собственной инерции. Хмурый стоял над ним, тяжело дыша, и смотрел с выражением, которого Сельвор никогда раньше у него не видел.

— Ты... — Хмурый запнулся. — Ты меня почти уронил.

— Почти, — выдохнул Сельвор, поднимаясь. — В следующий раз получится.

Хмурый не ответил. Он стоял, глядя на Сельвора, и в его глазах было что-то вроде уважения. Или удивления. Или того и другого вместе.

— Сколько тебе? — спросил он вдруг.

— Восемнадцать исполнилось. Месяц назад.

— Восемнадцать, — повторил Хмурый. — И ты меня почти уронил.

Он покачал головой, потом усмехнулся, потом хлопнул Сельвора по плечу так, что тот снова чуть не упал.

— Молодец, — сказал Хмурый. И добавил ещё раз, уже серьёзно: — Молодец. Редкий парень. Редкий.

Они закончили тренировку. Хмурый был непривычно молчалив. В конце, когда Сельвор уже собрался уходить, он остановил его:

— Слышь, Сельвор. Есть минутка?

— Есть.

— Выйдем, покурим.

Сельвор не курил. Но кивнул.

На улице было холодно. Осень вступала в свои права, и воздух пах сырой землёй и увядающей листвой. Они стояли у служебного входа, под тусклым фонарём. Хмурый достал сигареты, закурил, глубоко затянулся.

— Я здесь пять лет, — сказал он, не глядя на Сельвора. — Пять лет, блядь. Знаешь, сколько я видел за это время?

Сельвор молчал.

— Я не ради идеи здесь, — продолжал Хмурый. — Я нанятый работник. Просто работник. Пришёл, потому что деньги хорошие. Очень хорошие. Дома жена, двое детей. Младшей пять лет. Она меня ждёт.

Он выпустил дым в холодное небо.

— И знаешь, что я понял за эти пять лет? Здесь всё неправильно. Всё, блядь. Эти D-классные... — он поморщился, будто слово было горьким. — Я видел, как их отправляют на эксперименты. Видел, что от них остаётся. Или не остаётся. Я видел 049. Видел 106. Видел, что он делает с людьми.

Он замолчал. Докурил сигарету до фильтра, бросил, придавил носком ботинка.

— И я ничего не делаю, — сказал он тихо. — Молчу. Потому что если заговорю — меня не станет. А кому это поможет? Никому. Жене с детьми без меня будет хуже, чем этим D-классным. Так я себе говорю. Каждый день так говорю.

Сельвор слушал. Не перебивал. Просто стоял рядом и слушал.

— Я не одобряю то, что здесь происходит, — Хмурый повернулся к нему. Глаза у него были усталые, глубокие, с какой-то давней, застарелой болью. — Ни одну, блядь, минуту. Но я здесь. Потому что трус. Потому что деньги. Потому что семья. Потому что... потому что страшно.

Он замолчал. Долго молчал. Потом спросил:

— Ты меня осуждаешь?

Сельвор покачал головой.

— Нет, — сказал он. — Я понимаю.

— Понимаешь? — Хмурый усмехнулся, но усмешка вышла кривой. — Тебе восемнадцать. Что ты можешь понимать?

— Больше, чем ты думаешь, — тихо ответил Сельвор.

Хмурый посмотрел на него долгим взглядом. Потом кивнул, будто что-то решив.

— Ладно. Пошли. Завтра снова тренировка.

Они вернулись в базу. Хмурый пошёл в свою комнату, Сельвор — в свою.

Но по дороге, в коридоре, Сельвор остановился.

Он прислонился к стене и закрыл глаза.

«Хмурый не одобряет Фонд. Он ненавидит то, что здесь происходит, но молчит из-за страха и денег. У него семья. Жена. Двое детей. Если ему предложить что-то, что изменит всё... если дать ему шанс...»

Он открыл глаза.

«Хмурый может стать тем, кто примкнёт к хауситам. А значит — примкнёт ко мне».

Мысль была рискованной. Хмурый мог испугаться. Мог сдать. Но в его глазах, когда он говорил о D-классных, была настоящая боль. Не наигранная. Не выученная. Та, которая копится годами, когда ты смотришь на зло и ничего не можешь сделать.

«Главное — чтобы его никто не убил. Особенно Хаоситы. Если они придут на базу, если начнётся то, что я видел в записях... они будут стрелять во всех, кто в форме. Они не будут разбираться, кто свой, кто нет. Хмурый погибнет. Как и многие другие. Как те, кто мог бы стать на их сторону».

Сельвор сжал кулаки.

«Нужно найти их раньше. Найти хауситов. Связаться с ними. Объяснить, что здесь есть те, кто готов помочь. Кто не враг. Кто просто... ждал шанса».

Он пошёл дальше по коридору. Красные глаза камер смотрели на него, но он уже не обращал внимания.

Мысли крутились вокруг одного.

«Нужно искать крыс. Пхашников. Они здесь. Они всегда здесь. Кто-то из учёных, кто-то из охраны, кто-то из тех, кто носит белую форму или чёрную. Они вербуют. Я должен найти их первым».

В комнате он сел за стол, открыл базу знаний. Не официальную — ту, где он собирал свои собственные заметки. Выходные данные. Отчёты о перехваченных сигналах. Слухи, которые передавали бойцы в столовой.

Ничего конкретного. Обрывки. Намёки.

Но он знал: они есть. И он их найдёт.

Он закрыл глаза. Перед внутренним взором стоял Хмурый — огромный, сильный, с усталыми глазами, который признался ему, что боится. Что молчит. Что ненавидит всё это, но остаётся.

— Я найду их, — прошептал Сельвор. — И тогда всё изменится. Для всех нас.

Красный глаз камеры смотрел. Но Сельвор больше не прятался от него.

Он учился обманывать.

Глава 7. Прикосновение

Утреннее построение ОС-12 проходило как всегда. Воронин стоял перед шеренгой, зачитывал расписание, распределял посты. Сельвор стоял в третьем ряду, слушал вполуха, прокручивая в голове план тренировок на день.

— Сельвор, — голос Воронина прозвучал неожиданно громко. — Шаг вперёд.

Сельвор замер. Сердце пропустило удар. Он сделал шаг, чувствуя, как взгляды остальных бойцов упираются ему в спину.

— Тебя вызывают, — сказал Воронин, глядя на планшет. — Учёный из сектора исследований, фамилия... — он сощурился, — Кравцов. Кабинет Б-307. Идешь прямо по главному коридору, потом налево, через шлюз, второй этаж. Понял?

— Понял, — ответил Сельвор.

— Выполняй.

Сельвор вышел из строя. Ноги несли его по коридору, а в голове билась одна мысль: «Зачем учёному вызывать рядового бойца?»

Он проверил себя. Форма надета, бронежилет застёгнут, автомат за плечом, маска на поясе. Всё как у всех. Ничего подозрительного.

Кроме одной детали.

Форма, которая сейчас была на нём, — та самая, которую он сшил дома, перед тем как пойти в лес. Тогда, в своей квартире, он потратил почти час, подгоняя каждую деталь, сравнивая с видео, добиваясь идеального совпадения. Она прошла проверку на поляне, в вертолётке, на базе. Но что если учёный заметит? Что если у них есть какой-то контроль качества, о котором он не знает? Что если Кравцов, который работает с аномалиями, чувствует такие вещи, которые обычные люди не замечают?

Он выдохнул. Поздно отступать.

Кабинет Б-307 оказался в конце длинного коридора, за массивной дверью с электронным замком. Сельвор приложил карточку, дверь щёлкнула, открылась.

Внутри было тесно. Столы, заваленные бумагами, стеллажи с папками, компьютер с тремя мониторами. За столом сидел мужчина лет тридцати пяти, в белом халате, с короткой стрижкой и внимательными глазами. На бейдже значилось: «Кравцов А. И., старший исследователь, отдел физической аномалистики».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.